

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

Проективный философский словарь

Выпуск 2

М.Н. ЭПШТЕЙН

В этот выпуск вошли понятия, связанные с новыми дисциплинами и направлениями философской мысли: цикл **софийных дисциплин** (**-софий** в их отличие от **-логий**), **технософия**, **микроника** и **квантовая метафизика**.

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

софИйные дисциплиИны (sophian disciplines, sophio-disciplines, от греч. sophia – мудрость) – дисциплины, которые соотносят предмет своего изучения с цельным знанием, **мудростью**, представлением о мироздании в целом. Этим они отличаются от «логийных» наук, названия которых, как правило, заканчиваются на «логия» (от греч. logos – слово, понятие, учение) и которые изучают определенный предмет внутри его собственных рамок. Рядом с каждой **наукой-логией** можно обозначить **дисциплину-софию**: рядом с археологией – **археософию** (archeosophy), рядом с этнологией – **этнософию** (ethnosophy), рядом с психологией – **психософию** (psychosophy), рядом с биологией – **биософию** (biosophy)

Если логийные дисциплины расчленяют предмет внутри него самого, в его соотношении с собственной целостностью, то **софийные** – в соотношении с Целым, причем каждый элемент обнаруживает свой метафизический смысл и проблематику. **Софийные дисциплины** возвращаются к той изначальной, «мудрой» целостности своего предмета, которая была утрачена последующей дифференциацией соответствующих «логий». Например, понятие «душа», как «донаучное», выпало из поля зрения современной психологии, но остается центральным для **психософии**, к которой принадлежат многие работы К. Юнга и его школы. **Технософия**, в отличие от технологии, рассматривает духовный смысл техники, а **физиософия** (physiosophy) – «мудрость» организма, его целесообразное устройство в соответствии с космическим замыслом о человеке. **Софийные дисциплины** не являются частью философии, поскольку более конкретно и систематически изучают свой предмет, разрабатывают свою собственную специальную систему понятий. В этом смысле следует различать философию природы (натурфилософию), которую можно найти у Гегеля,

и **биософию** или **геософию** (*geosophy*), которой занимались такие ученые, как Э. Геккель или В. Вернадский. **Софийные** дисциплины образуют как бы зону перехода от обобщающих принципов философии к эмпирическим методам «логийных» дисциплин.

Если этнография, по смыслу своего названия, описывает этносы, их генезис, историю и культуру, а этнология исследует структуру их обычаев, традиций, ритуалов, то **этнософия** (*ethnosophy*) раскрывает связь всех элементов этой структуры с мистериально-сакральным центром национальной жизни. **Этнософия** изучает преимущественно высокоразвитые общества, где религиозное содержание выступает в свернутом, потенциальном виде, в отличие от этнологии, нацеленной на обрядовую структуру примитивных обществ, религиозное содержание которой выступает эксплицитно. Одна из задач **этнософии** – выявить в этой повседневной, мирской, бытовой, профессиональной, культурной жизни проявление бессознательно-сакральных структур, а также определить место каждого этноса в эволюции общечеловеческой культуры. К **этнософии** можно отнести труды И.Г. Гердера, Н. Данилевского, О. Шпенглера.

Есть разные науки о земле. География описывает то, что **на** земле: природные зоны, климат, границы, государства, хозяйства. Геология смотрит глубже – на то, что **под** землей: изучает ее внутренний состав, почвы, залежи, разрезы, карьеры, структуру коры, полезные ископаемые. Но можно посмотреть еще глубже – в сущность и замысел земли. Плотин поднимает **геософские** вопросы: «Ну, а сама земля, как она может иметь место в ноуменальном мире? Какова ее идеальная сущность? Имеет ли и она там жизнь, и, если да, то каким образом?.. Даже появление камней, вздымание и образование гор не могло бы иметь места на земле, если бы ей не был присущ некий одушевленный принцип, который и производит все это посредством скрытой от глаз внутренней работы» (Плотин, Эннеады, 6. 7. 11). Помимо географии – «землеописания», помимо геологии – «землеведения», должна быть еще и наука об умной сущности земли – **геософия** (*geosophy*), «**землемудрие**». Именно к **геософии** (а не геологии) относятся многие идеи В.И. Вернадского о живом веществе, организующем земную оболочку. **Геософской** является также влиятельная в экологических кругах «Гея (Gaia) гипотеза», выдвинутая Джеймсом Лавлоком (James Lovelock) в 1979 г. Согласно этой гипотезе, Земля представляет собой единый живой организм, который регулирует свою жизнедеятельность посредством изменения погодных условий и климатической среды.

Таким образом, различаются:

науки логийного цикла

физиология
этнология
геология
биология
психология
космология

науки софийного цикла

физиософия
этнософия
геософия
биософия
психософия
космософия

социология	социософия
патология	патософия
технология	технософия
идеология	идеософия
антропология	антропософия
теология	теософия
культурология	культурософия
историология	историософия

Софиосфера — это высшая из объемлющих планету духовных сфер; в ней отражаются все другие сферы: биосфера, техносфера, семиосфера, идеосфера, психосфера, ноосфера. Отсюда и проникновение Софии во все уровни организации живого и мыслящего вещества и соответствующие дисциплины: **биософия**, **технософия**, **семиософия** (*semiosophy*), **идеософия** (*ideosophy*), **психософия** (*psychosophy*), **ноософия** (*noosophy*)... Выступая в собственной сфере как мудрость, в других сферах София проявляется как цело-мудрие, т.е. возводит частичные знания к состоянию целостности.

техноСофия (*technosophy*; от греч. *technē* — искусство, умение, ремесло и греч. *sophia* — мудрость, знание, умение) — одна из **софийных дисциплин**, изучающая «мудрость» техники; духовная сторона техники как предмет изучения и практического воплощения. **Технософия** раскрывает связь техники с иными планами бытия, которые трактуются метафизикой, теологией, мистикой, софиологией. **Технософия** не есть просто философия техники, один из тематических разделов философии; это теоретическая и практическая попытка **соединить «техно» и «софию», сумму теологии с суммой технологий.**

Если сопоставить понятия «техники» и «софии», или «технологии» и «софиологии», как они обычно представлены в энциклопедиях, вообще в системе знания и классификации наук, то между ними практически нельзя найти ничего общего. Вот определения **техники** и **софии** из современных энциклопедий. Техника — «совокупность средств человеческой жизнедеятельности, создаваемых для осуществления процессов производства и обслуживания непроеизводственных потребностей общества» (Российский энциклопедический словарь. Т. 2. — М., 2000. — С. 1570). София — «в русской религиозной философии (софиологии) творческая премудрость Божия, в которой заключены все мировые идеи и которая носит в своем сердце всю природу и одновременно является вечной идеей самого человечества. Она олицетворяет женственное в Боге и является символом тайны мира» (Философский энциклопедический словарь. — М., 1998. — С. 427).

Из этих определений трудно заключить, что **софия** и **техника** имеют хоть какие-то точки соприкосновения. «Женственное в Боге» и «совокупность средств человеческой жизнедеятельности»... Между тем софия и техника нераздельны с самого начала миротворения. В Книге Притчей Соломоновых, откуда и берет начало образ Премудрости (греч. София, евр. Хокма), она предстает именно как художница, которая вместе с Господом творит мироздание:

Господь имел меня началом пути Своего,
прежде созданий Своих, искони...
Когда Он уготовлял небеса, я была там...
Когда давал морю устав,
чтобы воды не переступали пределов его,
когда полагал основания земли:
тогда я была при Нем художницею...

Притчи Соломона. 8:22, 27 – 30

Итак, Премудрость и есть высшая художница, в полном соответствии с исконным значением греческих слов «софия» (мудрость) и «технэ» (искусство). Причем техника — это не просто «искусство», в согласии с этимологией этого греческого корня; это Искусство, которое не ограничивается образами, символами, но выходит на площадку космоса, и в этом смысле оно ближе миротворящей мудрости Бога, чем искусству поэта или актера.

Важно понять не только **софийность техники**, но и **техничность софии**, которая не есть отвлеченное знание, чистый интеллект, но есть искусство устроения земных вещей. У Премудрости, как она описана в Книге Притчей, черты не только мироправительницы, но и домохозяйки; ей подведомственны не только «высокие» технологии, но и повседневные орудия и ремесла:

Премудрость построила себе дом,
вытесала семь столбов его,
заколола жертву, растворила вино свое
и приготовила у себя трапезу...

Притчи Соломона. 9:1 – 2

Премудрость технична и в порядках устроения небес, облаков, морей, и в порядке построения дома и приготовления пищи. Она, как плотник, вытесывает столбы для дома; как жрец (технолог обряда и таинства) закалывает жертву; как повариха, приготовляет трапезу. Нам эту практическую сторону мудрости понять тем легче, что в русском языке слова «ум» и «уметь» — одного корня.

Технику нельзя отождествлять с механикой. Усложнение постиндустриальной техники все более связывает ее напрямую с интеллектуальной и духовной деятельностью человека, его прорывами за грань материального мироздания. Техника — это не сталь и мазут, не «бездушные», «давящие» механизмы, как подсказывают нам детские впечатления индустриального века. Техника — это мысль и чувство, которые со скоростью света или звука распространяются вокруг нас и между нами. Постиндустриальная техника имеет дело с **мыслью** и **числом**, **духом** и **словом** — это информационно насыщенная техника одухотворения материи и сближения ее с нашим внутренним «я».

Технософию можно рассматривать и как новейшую в цикле «софий», получивших программное оформление с конца XIX в. В 1875 г. Е.П. Блаватская и Г.С. Олкотт основали в Нью-Йорке **Теософское** общество, а в 1912 г. Р. Штейнер основал в Дорнахе (Швейцария)

Антропософское общество. Как ни относиться к теософии и антропософии, в которых мистическое начало преобладает, очевидно, что все развитие науки в XX в. подготовило почву для создания в XXI в. **третьей софии**. Если бы **технософское** общество было создано, оно было бы теснее связано с наукой, чем два предыдущих, и вместе с тем обозначало бы духовно-творческую перспективу научно-технического развития.

Исторический ряд: **теософия** — **антропософия** — **технософия** — обладает определенной последовательностью:

1. Бог-Творец. 2. Человек, творение Бога. 3. Техника, творение человека.

Технософия — это мудрость Творца, раскрытая в творениях Его творения (человека), т.е. наиболее удаленная от источника и вместе с тем пополняющая его уже с другой стороны. Круг замыкается: техника, созданная человеком, выступает в технософии как средство познания и воссоединения с мудростью, создавшей самого человека.

МИКРОНИКА (micronics, от греч. «micro» — малый) — мета-дисциплина, изучающая формы и функции малого в природе, искусстве, культуре, экономике и т.д. Уже сейчас в ряде дисциплин выделяются разделы, изучающие особые свойства микрообъектов. Например, **микробиология** исследует мельчайшие, преимущественно одноклеточные организмы, видимые только в микроскоп микробы, бактерии, вирусы, водоросли, амёбы, инфузории. **Квантовая физика** изучает особые законы движения и взаимодействия микрочастиц, отличные от законов макромира. **Микросоциология** ориентируется на изучение отношений в малых группах, таких, как семья, производственный отдел, бригада, кафедра, в качестве модели социальных отношений. **Микроэкономика** рассматривает деятельность базовых экономических субъектов, например, предприятий и фирм. **Микроэлектроника** занимается разработкой приборов и устройств в микроминиатюрном исполнении. Особенно далеко в этом направлении продвинулась **нанотехнология**, которая работает с объектами порядка одной миллиардной метра, подчиненными законам квантовой механики.

Не только в естественных и общественных, но и в гуманитарных науках размер объекта имеет первостепенный смысл. Некоторые культуры, например, японская, создают особую эстетику и поэтику малых форм, которая требует концентрации на мельчайших, тончайших проявлениях прекрасного и их кратчайшем выражении. Дзен-буддизм учит сосредоточению на маленьких вещах, которые ускользают от рационального понимания в системе общих, «больших» категорий.

Категория малого играет огромную роль во многих религиях. Например, христианство требует брать пример с «малых сих» — умаленных, кротких, детски простодушных, ибо «их есть царствие небесное». «Горчичное зерно» и «игольное ушко» — образы предельной

малости — становятся главными образами притч о Царствии небесном. Здесь действуют законы парадокса, обратной логики: наименьшее становится наибольшим. Вера размером с горчичное зерно может двигать горы. Николай Кузанский учил о совпадении абсолютного максимума и абсолютного минимума. Иными словами, про Абсолют можно в равной степени сказать, что он предельно велик и предельно мал.

В русской литературе XIX в. выдвигаются образы «маленьких людей», которые несут в себе социально-гуманистическое заострение христианской темы. Этика и поэтика малости составляют то, что можно назвать **микроникой** русской художественной культуры. Уже в эпоху постмодерна у Делёза и Гваттари возникает понятие «малой литературы», которая противостоит большим художественным канонам.

Все эти «микро» области внутри совершенно разных дисциплин объединяются метастратегией понимания малых объектов, которую мы и называем **микроникой**. **Микроника** — это быстро растущая дисциплина, что обусловлено двумя факторами. Во-первых, растет острота человеческого зрения, вооруженного сложнейшими приборами и проникающего в область мельчайших частиц, структурных оснований материи. Разворачивается практика и технология работы с этими частицами, построения из них микро- и макрообъектов с заданными свойствами. Во-вторых, происходит постепенная миниатюризация всех мировых объектов в процессе ускоренного расширения вселенной, роста цивилизации, экспансии разума и т.д. Как история человечества, так и история вселенной есть процесс непрерывного *релятивистского уменьшения* составляющих их элементов. По мере того как мир становится больше, каждая вещь в нем умалется, переходит в разряд «микро». Такова онтологическая судьба любой материальной или идеальной единичности в расширяющейся вселенной.

Об этом законе аллегорически поведал И.В. Гёте в своей притче «Новая Мелузина» о красавице-принцессе из рода карликов:

«Так как ничто в мире не вечно и все некогда великое обречено убавиться и умалиться, то и мы со времен сотворения мира все умалеемся и убавляемся в росте, больше же всех прочих — королевская семья, первой подвергшаяся этой участи из-за чистоты своей крови»[1].

Такая же судьба — умаление — постигает и метафизические категории самых чистых, «королевских» кровей: «идея», «субстанция», «причинность». Мы живем под знаком «красного смещения», в расширяющемся космосе и усложняющейся культуре, релятивистским следствием чего является миниатюризация каждого предмета и понятия. Возникает теоретическая потребность в **микроэтике**, **микropsихологии**, **микроэстетике**, **микрометафизике** для того, чтобы познать этот меняющийся масштаб личностей и вещей в непрестанно растущем мире. Теодор Адорно обозначил этот сдвиг масштаба как переход от метафизики к *микрологии*:

«Эпоха Просвещения не оставляет практически ничего от метафизического содержания истины... То, что отступает, становится меньше и меньше, как в гётевской притче о ларце Новой Мелузины, обозначающем предел. Отступающее становится все менее и менее значительным; вот почему в критике познания, как и в философии истории, метафизика переходит в микрологию. Микрология — место, где метафизика находит убежище от тотальности»[2].

Дело не только в релятивистском умалении каждой вещи, но и в более пристальном зрении метафизики, которая начинает различать детали мироздания, прежде скрытые за общими категориями. Вещь в ее отдельности, несводимости к общей категории, выступает как единица новой, посткритической метафизики. Подобно науке, которая углубляется в строение микромира и ищет неделимых, квантовых оснований вещества, метафизика отправляется на поиски минимальных различительных единиц смысла. Здесь уже недостаточно говорить о *микрологии*, об обращении метафизики к малому, — речь идет именно об элементарных возбуждениях смысловых полей, о том, что смысл, как и энергия, может излучаться и поглощаться лишь отдельными и неделимыми порциями, квантами, «этостями». Поэтому, используя уже сложившуюся идиому «квантовая физика», можно назвать новую область философии, ее сдвиг в смысловой микромир, **квантовой метафизикой** (см.)

[1] *Göte И.В.* Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся / Пер. С. Ошерова // *Göte И.В.* Собр. соч. В 10 т. Т. 8. — М., 1979. — С. 321. [2] *Adorno Th. W.* Negative Dialectics / Transl. by E.B. Ashton. — New York: Continuum, 1992. — P. 407.

КВАНТОВАЯ МЕТАФИЗИКА, МИКРОМЕТАФИЗИКА (quantum metaphysics, micrometaphysics) — метафизика предельно малых, логически узких, конкретных понятий и внепонятийных единичностей, элементарных мыслимоостей. Это метафизики не духа или бытия, а сада, дерева, кухни, посуды... Основные интуиции квантовой метафизики были впервые ясно выражены у Иоанна Дунса Скота в его учении об индивидах как единственно реальных существованиях, в отличие от универсалий: «возникает не белизна, а белая доска... как целое само по себе».

Любое слово или понятие может стать первотолчком и первопринципом метафизики, обосновывающей движение и саморазличение понятий в рамках данной сингулярности. По сути, наличие слова в языке уже есть то минимальное тождество, из которого может порождаться малая метафизика. Например, исходным метафизическим понятием может быть «волос» как наименьший осязаемый промежуток между вещами (метафизика «тонкости»), или «стол», как опора надпочвенного бытия человека в среде письменности и культуры (метафизика «основания»), или «зонтик», как складной и движущийся кров одинокого человека под открытым небом (метафизика «крова»), и т.п. Малые метафизики, исходящие из частных поня-

тий, естественно тяготеют к конкретным, предметным словам как к своим основополагающим терминам («снег», «перо», «ветвь»). Каждое слово содержит в себе значение, которое может оказаться центральным для определенной метафизики, как «разум» оказался центральным для метафизики Гегеля. Конечно, такие компактные, камерные метафизики могут охватить лишь ограниченный круг производных исходного микропонятия. Малые метафизики не являются метафизиками в собственном смысле, поскольку не содержат утверждения о сверхчувственных, неизменных и всеобъемлющих началах бытия. Они строятся как метафизический жест, снимающий свою метафизичность именно тем, что предлагает ее в качестве жеста. Метафизика здесь демонстрирует только свою возможность, которая включает возможность иных метафизик.

Как философская дисциплина, **квантовая метафизика** разворачивает множественность интерпретаций смысловых квантов мироздания. *Миниатюризируя объект* своих исследований, она одновременно *поссибилизирует* свой метод. Подобно тому, как *микрофизика*, углубляясь в мир предельно малых, элементарных частиц, обнаруживает их вероятностную природу, **микрометафизика** углубляется в мир предельно малых смыслов, обнаруживая их возможностную природу. На таком микроуровне, как «стол» или «бумага» — слова с «малым», конкретным значением — обнаруживается возможность их вхождения в самые разные метафизические системы («метафизика опоры», «метафизика поверхности», «метафизика белизны»... Особо следует выделить служебные слова и морфемы — предлоги, союзы, частицы, приставки, суффиксы — как грамматические кванты смысла, которые обнаруживают наибольший разброс метафизических значений и толкований. (например, предлог «в» или приставка «недо-»).

«Большая» метафизика общих понятий — Разума, Бытия, Идеи, Материи — склоняется к детерминизму, к категории необходимости, поскольку охватывает одной категорией тождества множество вещей и представляет себя как единственно правильную. Столь же детерминированным выглядит мир, представляемый физикой больших масс, которые скованы силой всемирного тяготения и внутреннего сцепления частиц. Движение от макрофизики к микрофизике есть открытие вероятностного мира микрочастиц в глубине детерминированных макрообъектов. И точно так же движение от большой метафизики к **квантовой метафизике** открывает возможностный мир микросмыслов внутри необходимых законов логики.

В связи с проблемой конкретных слов и даже таких «абсолютно неповторимых индивидуальностей, как высказывания» (*Бахтин*), можно задать вопрос: а подлежат ли они философскому, т.е. предельно «обобщающему» подходу? Бахтин отвечает на этот вопрос так: «Во-первых, исходным пунктом каждой науки являются неповторимые единичности и на всем своем пути она остается связанной с ними. Во-вторых, наука, и прежде всего философия, может и должна изучать специфическую форму и функцию этой индивидуальности»[1].

Отсюда вытекает, что возможна метафизика и внесловесных тождеств, субзнаковых предметностей, которые до сих пор вообще игнорировались большой метафизикой. Ведь самое конкретное слово все-таки обобщает, даже слово «травинка» — семантический великан среди единичных травинок, мириады которых обозначаются одним этим словом. Речь идет о таких единичностях, которые «меньше» единичного слова, об «этостях» (haecceitas), которые тоже могут входить в метафизическое поле как «элементарные» единицы смысла. Возможна метафизика одной травинки, настолько единственной, что ее осязаемое присутствие в рамках философского текста будет необходимым для его завершения, для построения всей данной метафизики. Единичная вещь, вписанная (вклеенная, встроенная) в трактат, становится последним метафизическим словом, означающее которого совпадает с означаемым. В трактате о травинке только сама эта травинка и может представлять саму себя, как то последнее присутствие, к которому устремляется метафизика.

Одновременно это есть и предел мыслимого, которое наталкивается на чистую актуальность, «это», как главный предмет **квантовой метафизики**. «Этость» (thisness, haecceitas) можно определить как *чистый субстрат единичности, из которой вычтены все общие свойства и предикаты, которые она делит с другими единичностями, — свойство быть собой и ничем другим*[2]. Именно «этость» составляет глубочайший предмет метафизики и ее решающую самопроверку: допускает ли она нечто, стоящее вне самого мышления? Как мыслить «это», если оно есть здесь и сейчас, не сводимое ни к какому общему понятию или свойству, не сводимое даже к конкретному слову «травинка»? В этом случае становится вполне оправданным выражение «мыслить немислимое». Единичные предметы — это парии в кастовом обществе «большой» метафизики, и мерой (само)преодоления метафизики будет не только ее новый, конкретный язык (включая язык **имен собственных**), но и готовность заходить за предел языка, в область «неприкасаемых», внезнаковых предметностей.

В отличие от деконструкции, отменяющей всякую «иллюзию» присутствия, квантовая метафизика признает последнюю реальность присутствия, «этость» в ее запредельности мышлению. Вещи могут быть включены в объем и последовательность философского текста, как разрывы в цепи означающих, куда вклиниваются сами означаемые. Философия будет тяготеть к вещи не для того, чтобы подтвердить истинность своих высказываний, а для того, чтобы подтвердить значимость собственного молчания, обнаруживать зияния в цепи означающих. Мышление устремляется за предел мыслимого.

Приближение к внемислимому бытию Теодор Адорно считал последней, запредельной — и недостижимой целью философского мышления:

«Философия, да и теоретическое мышление в целом, страдает от идеалистического предрассудка, потому что имеет дело только с понятиями, а не прямо с тем, к чему отсылают эти понятия... Филосо-

фия не может вклеить онтический субстрат в свои трактаты. Она может только толковать о нем в словах, и тем самым она ассимилирует этот субстрат, тогда как ей было бы желательно проводить различие между ним и своей собственной понятийностью»[3].

Действительно ли философия не может вклеить онтический субстрат, единичное, в свои трактаты? Ведь сами трактаты каким-то образом вклеены в этот субстрат, втянуты в мир единичностей. Даже рукопись «Науки логики» когда-то лежала на гегелевском столе, в окружении перьев и чернильницы. Если вещи могут окружать трактат, почему трактат не может окружать вещи, вписывать их в себя? Можно представить себе и такие трактаты — текстовые емкости виртуально-электронного пространства, — которые будут разворачиваться вокруг единичностей: этого дома, этого дерева, этой травинки, и будут именно вклеивать в текст этот онтический субстрат, одновременно подчеркивая его инородность понятиям, несводимость к общему. Можно представить философию в совершенно другой роли, чем принятые сейчас дискурсивно-дискуссионные формы изоляции ее от единичного: как мышление, вписанное в круг своих предметов, взаимодействующее именно с чуждостью немыслимого, в той странной связи с референтами мысли, когда философия не отстраняется от них и не растворяет их в себе, а соприсутствует с ними в одном метатекстуальном пространстве. Мышление само указывает на немыслимое и полагает себя рядом с ним, как неотделимое от него и к нему несводимое.

[1] *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 287. [2] О современных подходах к метафизике «этости» см.: *Adams R.M.* Primitive Thisness and Primitive Identity // *Metaphysics. An Anthology.* Ed. by *J. Kim* and *E. Sosa*. — Malden (MA); Oxford: Blackwell Publishers, 1999. — P. 172 — 183. [3] *Adorno Th.* Aesthetic Theory. — L.; New York: Routledge & Kegan Paul, 1986. — P. 365.